Вайнер Георгий 26.2.2000.

Общество

Георгий ВАЙНЕР: Я голосую за аферистов

Известия.– 2000.– 26 февр.– с.6

Разговор о будущем России с будущим гражданином США

Недавно на книжных лотках появился новый роман Георгия Вайнера. Его персонажи — бандиты, журналисты, олигархи и прочие герои нашего времени. Вайнер давно осел в Америке, и пора бы ему описывать не наших «братков» и муровцев, а нью-йоркских гангстеров и копов. Но он все равно продолжает писать о России. Перебравшиеся за океан крестные отцы русской мафии, с которыми он дружит домами, унесли с собой Родину на подошвах ботинок — о том, как сейчас живет страна, Вайнер знает лучше многих из нас.

Алексей ФИЛИППОВ

— В сборнике «Кто есть кто в постсоветской России» написано: «по образованию Вайнеры юристы. Аркадий работал сотрудником уголовного розыска, Георгий — журналистом. В основу первой совместно написанной повести «Часы для мистера Келли» положен случай из их практики...» Скажите, в чем состояла практика?

— Я только по образованию юрист и на пользу обществу свои знания не применял ни одного дня (в молодости я работал специальным корреспондентом ТАСС). Они пригодились мне исключительно для работы над книгами да в разных житейских ситуациях. А уголовное дело, которое послужило прообразом нашего первого, с позволения сказать, литературного сочинения было расследовано моим братом, старшим следователем с Петровки, 38.

Наша общая практика состояла в выпивке, гулянке и развлечениях. На этой почве братья Вайнеры совершенно случайно познакомились с человеком по имени Норман Бородин, главным редактором одной из редакций АПН, большим художником по части застолья. Мы хотели жрать, выпивать и трепаться, а Норман в недавнем прошлом был крупным закордонным шпионом, очень много знал и рассказывал отличные истории. Впоследствии они легли в основу романа Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны»: жена Нормана Таня Бородина работала «радисткой Кэт» и рожала дочку Иру в фашистской Германии, в берлинском роддоме. Но она, в отличие от героини Семенова, удержалась и не крикнула по-русски «Мама!»

Норман Бородин был кладезем фантастических историй, а мы, будучи людьми по природе соревновательными, рассказывали ему о том, что знали. Однажды он нам сказал: «Почему вы напрасно тратите запал и рассказываете такие отличные штуки, когда человечество давно изобрело письменность? Запишите их, и эти байки с удовольствием прочтут миллионы людей. Только обязательно введите в ваш детектив женщину-врача — читатели это любят». Мы последовали его совету, написали первую повесть — и все у нас пошло на лад и так катится до сих пор...

— Старшему следователю с Петровки положено знать такие вещи. Но ведь вы расчлененные трупы не собирали, у вас-то откуда эти истории?

— Лет пятнадцать назад руководство Союза писателей СССР заключило с МГК КПСС договор о творческо-производственном сотрудничестве. Писатели должны были ездить по предприятиям Москвы и приобщать тружеников к культуре. А труженики, в свою очередь, были обязаны приблизить нас к дорогим сердцу каждого советского человека патриотическим и моральным ценностям. Нам с братом достался машиностроительный завод «Стрела». За этим эвфемизмом было скрыто гигантское военное предприятие — между цехами ходил автобус. В перерыв нас привели в красный уголок, где трудящиеся пользовались законным правом перекусить и приобщиться к высокой культуре, — сооружение было похоже на стадион. Когда мы вышли на сцену, в зале раздались аплодисменты, переходящие в шквал оваций, сопровождавшихся свистом, криками и топотом. Брат стал приятно улыбаться, а я сообразил, что не по Сеньке шапка, и, прислушавшись к возгласам ликования, сообщил ему, что нас принимают за Авдотью Никитичну и Веронику Маврикиевну. Если вы помните, лет пятнадцать назад актеры Тонков и Владимиров изображали на телевидении этих комедийных старух.

Когда нам удалось установить некоторый покой в зале, я прямиком бросился в воду и сказал: «Дорогие друзья, мы счастливы к вам прийти, но тут произошло некоторое недоразумение — мы не Маврикиевна и Никитична, мы...»

Тут красный уголок издал страшный вздох отчаяния, но я успокоил рабочих: «Мы братья-писатели Вайнеры и по примеру Маврикиевны и Никитичны работаем вместе — над смешными, но иногда и страшными книжками. Сейчас мы пишем о том, как один московский композитор...»

И я подробно пересказал справку по делу, которое тогда расследовала московская прокуратура: композитор убил проститутку, разрубил ее тело на восемнадцать кусков и спрятал их по всей Москве. Я во всех подробностях поведал, как он убивал ее туристским топориком, как он ее пилил и развозил, как его раскололи муровские сыщики — теперь он сознался, и вскоре грядет строгий, но справедливый суд. Это был потолок моих художественных достижений: нас провожали такими же криками сожаления, как и встретили: «Вы настоящие писатели, приходите к нам еще!»

Больше мы к ним не попали и про расчлененку не писали, она, в самом лучшем случае, может вызвать двадцатиминутный интерес. Я глубоко убежден, что каждое настоящее литературное сочинение — обязательно детектив (при том что не всякий детектив дотягивает до уровня литературы). В хорошей книге обязательно надо открыть тайну: характера, судьбы, человеческих взаимоотношений... А если тайны в книге нет, то мы ее и читать не станем.

— Мой отец — профессиональный криминалист, и я вырос на чтении предназначенных для служебного пользования сборников, которые выпускала Генеральная прокуратура. Я читал и открывал для себя страну, о которой не рассказывали в школе и не писали в газетах. Когда сегодня говорят о том, что нынешнее, насквозь пропитанное криминалом государство оказалось порождением демократии, я вспоминаю свое подростковое чтение.

— Цена жизни и человеческого достоинства была ничтожна и тогда, и сейчас. Вот только раньше на это было дано благословение властей, а теперь сие установилось явочным порядком — как результат сложившейся практики. К тому же прежде милицию цементировал страх: тотальная система стукачества пронизывала все общество, в том числе и карательные органы. О том, кто имел несчастье выделиться, мгновенно сообщили бы куда следует (тогда была отточенная формулировка — «живет не по средствам получаемой зарплаты»). Его взяли бы на цугундер, мгновенно бы раскололи — и расстреляли.

Я помню, какое было неслыханное дело, когда сорок лет тому назад махинаторы и жулики организовали цех по производству трикотажа при психбольнице номер сорок четыре — и заработали миллионы. Прикрывали это два работника ОБХСС, Петровки, 38 — Дворядкин и Гаврилов, которые были у них на зарплате. Первый был полковник, начальник отдела, а второй — подполковник и его зам. Они ездили в грузовиках, которые везли левак, — если какой-нибудь милиционер останавливал транспорт, обэхаэсэсники его отгоняли. Расколол это дело их сотрудник, который понял, что они сплавляют информацию цеховикам. Он пошел с рапортом к министру внутренних дел. Дворядкина и Гаврикова арестовали и, разумеется, расстреляли.

Но по мере роста экономической свободы (а она, среди прочего, проявлялась в развитии теневой экономики) милиция все больше включалась в криминальный бизнес. Можно было бы построить два сходящихся графика: начиная от послесталинских времен по мере роста демократии нарастали коррупция, бессовестность, подкуп, взяточничество и безобразия в милиции. Связанных с криминалом ментов становилось все больше, и под конец они создали критическую массу настроения. Большинство их коллег уразумело, что за эту зарплату лезть под пули смысла нет. Чудовищно разрушительным для служебной этики было то, что менты увидели, как их генералы берут первыми — и по-крупному. Почему же в охватившем страну переделе собственности нельзя поучаствовать капитанам и сержантам?

Но в больном обществе не может быть честной и добросовестной полиции. Каждый погибший при исполнении служебных обязанностей милиционер своей смертью искупает вину сотни коллег...

— И все же это совсем особый, отдельный от обычной жизни мир, существующий по своим, не имеющим отношения к Уголовному кодексу и служебному уставу правилам. Я знаю, что брать деньги с проститутки и сутенера уважающему себя милиционеру зазорно, а бандит — волк и отчасти брат, с ним можно иметь дело. К тому же бандит бандиту рознь: те, кто занимается «контрабасом» (контрабандой), вреда народу не приносят, а значит, их деньги милиционер может взять. Много говорят о криминальной России, но одновременно с ней существует и «Россия ментовская».

— Да, это громадный мир — он перекрывает треть общественных и социальных отношений в стране. Это бизнес, который непрерывно структурируется и специализируется: мент не берет с проститутки и сутенера, но с сутенера берет деньги бандит, который дает им «крышу». И потом, в общих платежах, он несет их территориальному менту. Это огромная система сообщающихся сосудов: деньги циркулируют между проститутками, ларечниками, бандитами, ментами, политиками и банкирами... Все это вместе взятое и составляет наше сегодняшнее общество.

Глеб Жеглов и Володя Шарапов...

...ловят банду и главаря

— В сборнике «Кто есть кто...» написано: Георгий Вайнер живет в США, Аркадий — в Москве. Как и почему вы очутились в Штатах? Пишете ли вы вместе?

— Братья Стругацкие, один из которых жил в Ленинграде, а другой в Москве, говорили, что съезжаются в Бологом и пишут в вокзальном буфете. А я большую часть времени провожу в Нью-Йорке, и для совместного творчества нам надо встречаться в Гренландии.

В 1990 году я получил от своего американского издателя приглашение приехать на год и попробовать поработать в газете. Так началась совсем другая страница моей жизни. Мой журналистский пик наступил в 1997 году — тогда я стал главным редактором этой газеты. Но сейчас мы с журналистикой расстались: и я себя исчерпал, и дети выучились. Как только они закончили университеты, я почувствовал себя свободным человеком.

— Они граждане США?

— Пока нет. Но я им скоро буду. Большого значения этому я не придаю — понятие гражданства всерьез волнует только россиян. Я живу в одном из ближних пригородов Нью-Йорка, у меня небольшой, но красивый дом. Жизнь вокруг идет исключительно тихая — порой эта пастораль начинает сводить с ума. (Все же мы люди другого социального темперамента.)

Новостное вещание американского телевидения — это тошнотворно-сладкая, напоминающая ванильно-клубничный молочный коктейль смесь. Раз в два-три месяца ее оживляет информация о том, как очередной мальчик из винтовки или автоматического пистолета убил десяток своих одноклассников. Все остальное время там не происходит ничего. И все же рядовому американцу тоже свойственно некое благонамеренное безумие. Сосед, живущий справа от меня, пару месяцев назад привез пушку и поставил ее на газоне перед домом. Пусть стоит. Времена сейчас очень сложные.

— Я слышал, что вы собирались снимать продолжение фильма «Место встречи изменить нельзя»?

— Тут есть два обстоятельства. Во-первых, деньги придется просить у господ толстосумов, а они, как правило, люди малограмотные и неприятные в общении. Надо вовремя подхохатывать, пить коньячок, говорить на общие темы... Нам с Аркадием неохота этим заниматься. Ну а во-вторых, наши планы перечеркнул безвременный уход Высоцкого — единственно реальным следующим сюжетным ходом может быть только гибель Жеглова. Об этом идет речь в нашем недописанном романе: на его основе мы сделали и сценарную разработку.

Действие происходит в 1947 году, за неделю до сталинской денежной реформы и в течение семи дней после нее. Те, кто знал правила денежного обмена, тогда могли за одну ночь стать мультимиллионерами. Тот, кто их не знал, должен был потерять все. Выгоду из обмена извлекли генералы МГБ, которые следили за тем, чтобы его условия были соблюдены, свои сбережения спасли партийные начальники. И что самое главное — в эту игру активно вмешался преступный мир.

Сейчас «общак» держат в оффшорных банках, а тогда его хранили в двух чемоданах. Из-за обмена их содержимое могло превратиться в груду никому не нужных бумажек. Для преступного сообщества было жизненно важно знать условия обмена: ведь «общак» — это «подушка зэка». Эта история должна стать фоном для расследования гибели Жеглова. Она окажется ключом к ответу — Жеглов понял, кто сплавляет информацию, и поплатился за это жизнью. Окончательные условия денежной реформы знали два человека: министр финансов Арсений Григорьевич Зверев и Сталин, который должен был продиктовать последние изменения. Они существовали в нескольких вариантах, отпечатанных в считанном количестве копий, и кое-что из этого ушло на сторону...

— Я понимаю, откуда Вайнеры брали информацию, когда вы жили здесь, а ваш брат был старшим следователем Петровки. Но ведь из сегодняшних ментовских и бандитских дел вы исключены...

— Как осуществляется связь солнцевской группировки с руководством московской милиции или Генеральной прокуратуры, не знает и Маринина. К тому же меня занимает не технология, а люди. Нью-йоркские бандиты — выходцы из России приглашают меня в гости, как козаностровцы приглашали Марио Пьюзо. Недавно они вручили одному из моих друзей, имеющему особые заслуги мафиозо-юбиляру, орден Ленина. На Брайтоне он продается за четыреста долларов — и даже с соответствующей грамотой...

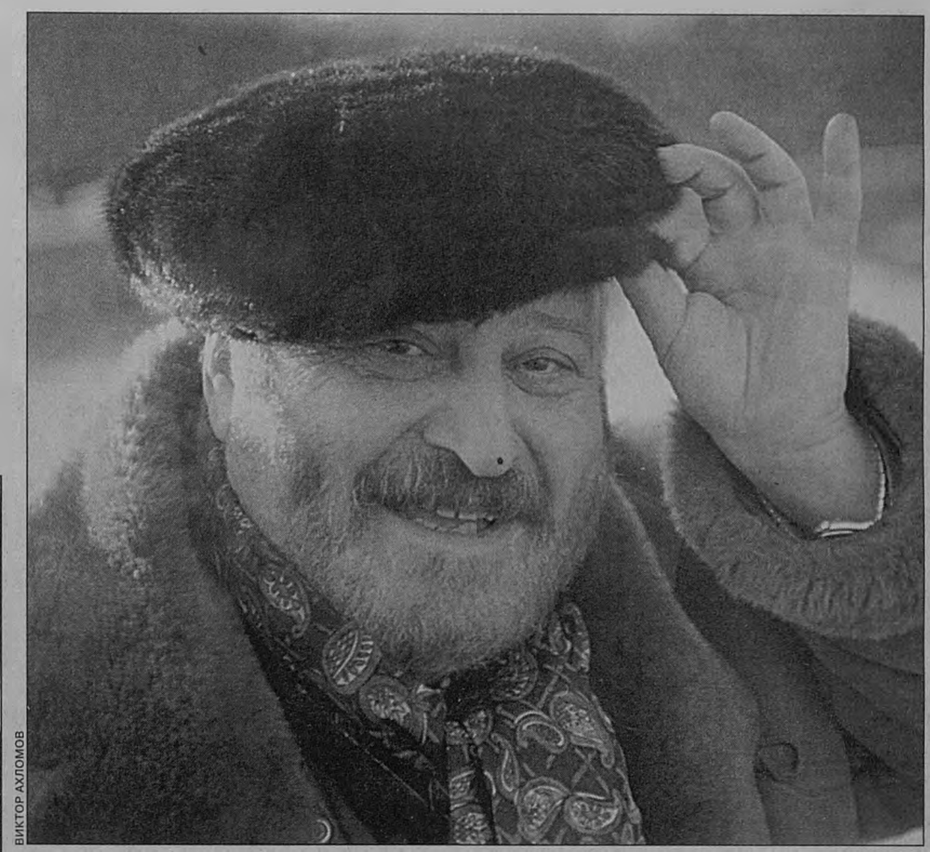
А здесь, в Москве, мне интересны крупные бандюки, полицейские, журналисты, у меня есть друзья-олигархи, есть те, кто никогда не привлекался к уголовной ответственности, но кто они на самом деле, понимают решительно все. А все эти стриженые быки всего лишь расходный материал — как только они станут не нужны, их вырежут в один день.

В советские времена у огромного количества молодых и здоровых людей была загодя определенная, очень интересная судьба — они должны были стать грузчиками, складскими рабочими, сталеварами или комбайнерами. Наступила новая эпоха, и они приехали в Москву. Здесь их задействовали в криминальное производство, и они надели длинные кашемировые пальто и костюмы от Версаче, нацепили на себя толстые золотые ошейники, взяли в руки «перья» или «макаровы». Кроме этого, они получили огромное количество баб, о каких по своему прежнему социальному статусу не могли и мечтать: в этом отношении советское общество жило очень классово. Простой человек мог похороводиться с двумя-тремя девками, а затем он вступал в законный брак, и вскоре жена до смерти надоедала ему своими попреками и запретами. А тут огромное количество красивых, дешевых или вовсе бесплатных телок, рестораны, карты, наркотики... Кого-то «дурь» добивает очень быстро, кто-то держится и живет жизнью, которую не в силах оценить в силу примитивности своей психоорганизации.

Куда они денутся, когда времена изменятся и все эти криминальные и полукриминальные структуры разгонят? Эти долболомы отвыкли от работы, даже если случится чудо и производство вновь заработает, фрезеровщиками на «Серп и молот» они не пойдут. Они ничего не читают и не смотрят, ничем не интересуются и верят только в свои кулаки. Это огромной силы подрывной патрон, подведенный под наше общество.

— И последний вопрос. Если бы вы пошли по криминальной части, то какую бы воровскую специальность избрали?

— Я бы быстро попался — криминальные профессии требуют локальности воображения, рефлексии в них места нет. А я придумал так много вариантов ухода от ответственности, что запутался бы в собственных сетях и моментально сгорел. Но по совести говоря, самыми интеллектуальными и интересными из всех уголовников мне кажутся аферисты. Это композиторы уголовного мира, и я голосую за них.



ВИКТОР АХЛОМОВ

Георгий Вайнер. Место встречи — Пушкинская площадь